

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

26 МАЯ 49

Газета №

Знание жизни и искренность

Иоганнес БЕХЕР

Появление в журнале «Internationale Literatur» новой трагикомедии Юлиуса Галя дает нам желанный повод снова вернуться к творчеству этого крупнейшего драматурга. Нам хотелось бы прежде всего остановиться на том, что придает пьесам Галя такую актуальность.

Свою первую победу в театре Гай одержал драмой «Бог, император и крестьянин», и как в этой, так и в следующей пьесе «Мое» он показал себя подлинным драматургом. В то время отнюдь не считалось триумфом, что замысел и разработка сценического произведения должны быть сценичны. Именно в леволитературных кругах Запада было немало приверженцев эпического или фактографического театра-обозрения, служившего «революционной» вывеской для тех, кто стремился приспособиться к декадентским тенденциям буржуазного искусства. Но Юлиус Гай, пельный и самобытный художник, оказался неуязвимым для этих влияний, что было довольно редким явлением на фоне тогдашней литературной жизни Германии. Попытки «обогащать» (вернее, ликвидировать) драматургию, разбавляя ее эпосом или лирикой, романом или репортажем, как бы интересны и соблазнительны они полчас не казались, конечно, были всего-навсего капризом моды. Реакция наступила тем скорее, что эти эксперименты не только оказались пагубными для талантливых художников, но и послужили очень удобной маскировкой для бездарности, прикрывающей отсутствие драматургического таланта мешаниной из всех жанров.

Всякое направление в искусстве, игнорирующее человека, неизбежно становится ареной, на которую устремляются дилетанты и бумагомаратели, литературные спекулянты и дельцы, притягиваемые новизной этого метода и сравнительной легкостью его усвоения и воспроизведения. Органическое развитие действия здесь уступает место произвольному наизыбанию плохо связанных между собой эпизодов; скупой, строго подчиненный развертыванию действия, диалог заменяется импрессионистским бормотанием, экспрессионистскими обрубками или тягучими пропедами в «неореалистическом» стиле.

Все это важно учесть для понимания той позиции, которую с самого начала занял Юлиус Гай. В своем творческом развитии он не знал ни противоречий, ни отказов от пройденного пути. Вся эволюция творчества Галя была непосредственным продолжением и сознательным углублением того, что было достигнуто им благодаря врожденной драматургической интуиции уже в первой пробе пера. Он принадлежит к числу немногих в немецкой литературе талантов, развивавшихся гармонически, и это наложило на его творчество отпечаток особой стойкости, надежности и реалистической силы.

Содержание трагикомедии «Индюшачий король» таково. У крупного венгерского помещика Туря двое сыновей. Первый сын — от законного брака с истеричкой, помещанной на разведении индюков, болезненный юноша Отто отвергает «мораль господ» своего отца. Другой, внебрачный сын, Янош работает кучером в отцовском поместье и стремится любыми средствами выбраться «наверх». Янош любит служанку Лиди, невесту батрака Иоси. Девушка и слышать не хочет о грубом Яноше, жестоко избившем ее 14-летнего брата, индюшачьего пастуха Имре. Янош добивается согласия помещика на свой брак с Лиди. Он тайно выпускает ласку в индюшачье царство Имре. А ничто не способно довести до такого бешенства хозяйку, как ущерб, нанесенный ее любимцам. Таким образом Яношу удается перетянуть на свою сторону и помещицу, которая теперь противится браку между Иоси и сестрой индюшачьего пастуха. Тем временем Туря торгуется с хлеботорговцами, желающими купить у него урожай. Разадоренный перспективами выгодной сделки, он переходит границы издевательств над пастухом и доводит мальчика до гибели. Но резкое ухудшение биржевой конъюнктуры, вызванное падением

цен на международном хлебном рынке, разрушает радужные надежды Туря. Появляется призрак надвигающегося краха в образе спекулянтки, скупающей земельные участки. Спасение еще возможно, если в кратчайший срок убрать урожай. Но смерть индюшачьего пастуха открыла глаза работающим в имении батракам. Вместо того чтобы заняться уборкой, они уходят на похороны Имре, тем самым разрушая последнюю надежду Туря и Яноша.

*

Искренность и глубина — вот те качества, которые, наряду с несомненным драматургическим дарованием, характерны для новой пьесы Галя. У каждого из его персонажей есть своя история, каждого автор показывает в движении, становлении, ни разу не подменяя законов развития человеческого характера безжизненной схемой, штампом. Страдания человека под капиталистическим гнетом представлены автором в конкретной, осязаемой форме. Помещик Туря не только палач, но и жертва, не только эксплуататор крестьян, но и объект спекуляций финансового капитала, не только угнетатель, но и бунтарь, фантазер, обманутый иллюзией общественной полезности своего «призвания». Он говорит жене:

«Если бы ты только могла понять, что для меня самое главное. Мое призвание, мое дело — самое благородное дело в мире. Все другие ищут денег, ищут только собственной выгоды. Я — помещик, я ращу жизнь.. самую жизнь ращу я на земле. Вот что такое я. Да. Когда я смотрю вперед, когда я трезво всматривалось во всех, то выходит, Амальхен, — и это совершенно ясно, — что я, куда ни глянь, самый полезный человек. От эпистолярского имени до имени Верешаги, от Верешаги до государственного кооператива — земля принадлежит мне, и только благодаря мне родится здесь хлеб. Только благодаря мне. Если я не скажу: «трогай», лошади не двинутся с места. Если я не скажу: «шар», молотилка не работает. Если я не кивну головой, никто не приступит к работе, а у кого нет работы, тот околевает под забором. Но я говорю: «трогай». Я говорю: «шар». Я киваю головой. И все пускаю в ход. Обо всем, обо всем заботюсь только я, один я. О жизни, о смерти, о зачатии, о рождении. Иногда по ночам я просыпаюсь в холодном поту и спрашиваю себя: что будет со всем этим, когда меня не станет?»

Этот самообман «общественной полезности», этот миф о полноценности своего «дела» разоблачается в пьесе с математической неопровержимостью.

Образы людей из народа обрисованы с глубоким знанием жизни и большой искренностью. Как и всегда у Галя, они лишены ложных прикрас, дешевого оптимизма; они показаны реалистически, каждый на достигнутой им ступени развития, со всеми заложенными в нем возможностями, не раскрывшимися в капиталистических условиях. Правдивым изображением действительности, народной жизни, Гай раскрывает перед нами, без всякого нажима, большие человеческие неиссякаемые силы народа. Победа, одержанная народом над помещиком, заключается не столько в забастовке, как в торжестве

идеи, воплощенной в образе Имре. Эта, выходящая из рамок злобы дня фигура индюшачьего пастуха, мечтателя и сказочника, противопоставлена помещику и его окружению как символ нового, грядущего мира. Противопоставление выполнено с огромным мастерством. Удачным воплощением идеи о конечной победе народа драматург сам одержал победу, еще раз доказав справедливость гетевских слов о том, что кто не в состоянии возвыситься над природой, тот обречен оставаться на уровне более низком, чем она. Поэтическое обобщение действительности в пьесе Галя, основанное на проникновенном знании жизни, сохраняет свою органическую связь с действительностью и является как бы одухотворенной и возвышенной действительностью, не переставая быть ее составной частью.

Следует отметить, пожалуй, еще одно обстоятельство.

Персонажи из народа представлены у Галя полноценными людьми. В новейшей истории немецкой литературы это следует признать особой заслугой. Мы все можем назвать немало недоброй памяти пьес, романов и рассказов, авторы которых, не жалея пафоса и красноречия, старались уверить нас в грядущей победе народа, но будущих победителей изображали такой карикатурой на людей, что у читателя пропадала вера в возможность этой победы. Едва ли нужно доказывать, что такое окарикатуривание народных персонажей, еще практикуемое многими писателями, является пародией на действительность. Любители такого жанра, пусть и невольно, льют воду на мельницу антинародных направлений, проповедующих «мораль господ».

В образе индюшачьего пастуха Гай вывел подлинного народного героя, память о котором долго будет жить в народе и вдохновлять его на борьбу. И люди будут помнить не только о рассказанных им сказках, но и о подвиге его жизни. Конечно, автору трудно было подняться выше кульминационной точки пьесы — сцены, в которой Имре рассказывает сказку об индюшачьем короле, но это удалось ему однажды — в сцене появления символической фигуры спекулянтки. Но зато сцена, где покойный Имре является помещику во сне, разочаровывает нас: основываясь на всем том, что было сказано выше, мы вправе были ожидать более удачной развязки.

Кровавые события, развертывающиеся в капиталистических странах, конечно, должны оказать далеко идущее влияние на литературу. Литература, прославляющая империалистическую войну, количественно незначительная, едва ли поддается измерению литературными мерками. Но в каждой из стран, затеявших войну, неизбежно возникает литература, встающая против истребления народов в угоду империалистам, и эта литература должна извлечь уроки из опыта литературных течений первой мировой войны. Экспрессионисты несомненно были против войны. Но их художественный метод до такой степени притупил антивоенную направленность этого течения, что в широких кругах его рассматривали как курьез. В наше время мы должны с особенной тщательностью оберегать нашу литературу от «самозувечения» всякого рода. Большой художник не может лишь отчасти участвовать в борьбе. Он вкладывает в борьбу все свои силы, всю энергию.

С капитализмом нужно бороться не только словом, но и делом. Дело писателя — художественное творчество. В борьбе с варварским уничтожением людей, предпринимаемым ныне капитализмом в массовом масштабе, действительно лишь глубокое и всеобъемлющее изображение человека, способное укрепить нашу веру в лучшее будущее. Противопоставлять варварской бесчеловечности империализма игру «китайских тепей» в литературе — совершенно бесплодное занятие. В творчестве Юлиуса Галя мы находим цельную, неразроченную силу духа, в которой больше всего нуждаемся мы, литераторы Запада, для осуществления наших исторических задач.